

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

Ритуал основания Одессы

Поскольку дом Волконского – первый жилой дом, построенный после раздачи мест в августе-сентябре 1794-го, и, кроме того, значительная часть территории, на которой он располагался, давно свободна от построек, постольку открылась возможность произвести здесь археологические исследования. В канун 200-летнего юбилея Одессы нам с профессором-археологом А.О. Добролюбским пришла в голову, на первый взгляд, прямо-таки безумная идея: раскопать остатки этого мемориального одесского дома. То есть как бы материально зафиксировать момент рождения Южной Пальмиры. Безумству храбрых поем мы славу...

Правдами и неправдами, в совершенно авантюрном стиле мы завербовали и подрядили на эту «аферу» сколько-то добровольцев, вскоре получивших в народе название Клуба городских сумасшедших имени Володи Дубинина. Невероятно, но за два с половиной месяца изнурительной даровой работы мы сумели заложить огромный раскоп в сквере близ знаменитого Оперного и местами углубиться в грунт на семь и более метров от современной поверхности! В результате была написана изумительная страница истории нашего замечательного города – буквально первые часы его существования, и воссоздан сам ритуал основания Одессы.

Ритуальные предметы эти обнаружили на самом дне раскопа, в закладной траншее под фундамент дома Волконского. Два

* Продолжение. Начало в кн. 64, 66-69.

фрагментированных роскошных хрустальных кубка и стопка последней четверти XVIII столетия – подобные имеются лишь в собрании Эрмитажа и знаменитой коллекции Лемкуль. Фрагмент стеклянного подноса. Металлический кинжал. Монета с вензелем императрицы, по традиции положенная под угол новостроящегося здания. Кроме того, были найдены осколки старинной бутылки и даже остатки пробки. День и час основания города обретали все более рельефные очертания.

Трое участников ритуала, оказывается, использовали свою эксклюзивную тару – все сосуды типологически разные, что не удивительно в той подлинно бивуачной обстановке. То есть достали кубки и стопку прямо из своих походных сундучков. Затем подняли тост за процветание будущего города, разбили бокалы оземь, воткнули в только что отвоеванную землю клинок, положили на счастье монету, и... первый дом Одессы был заложен. Не вызывает сомнений и состав триумвирата: несомненно, это были сам потенциальный домовладелец, Волконский, и его наперсники де Рибас и де Волан.

Как мы уже говорили, угловой флигель со стороны Ланжероновской занимало воспетое Пушкиным коммерческое казино – излюбленное место разного рода комиссионеров, преимущественно занимавшихся морской торговлей. Мемуаристы описывают это шумное продымленное заведение, в котором биржевые маклеры, шкиперы, общественные нотариусы, купцы по ходу игры в домино или на бильярде обсуждают условия сделок, страховые риски, цены на зерно и политику на Балканах, по десять раз на дню смакуют настоящий йеменский мокко, хиосскую мастику, кипрское вино, британский эль.

В подвале того же дома издавна собирались заядлые картежники. Сохранились авторитетные свидетельства, что в этих полночных бдениях принимал участие сам городской полицмейстер Шостак, блестяще умевший распознавать любые уловки гастроллирующих шулеров. Так, однажды он приказал арестовать до выяснения... колоду игральных карт, на поверку оказавшихся краплеными. Целую ночь колода находилась под присмотром околоточного и двух квартальных надзирателей, а утром игра была продолжена новой колодой, и заезжий аферист продулся в пух. Здесь же, говорят, баловался картишками и сам Александр Сергеевич. Так ли это, сказать трудно. Однозначно заявляю лишь то, что в процессе зачистки пола этого подвала (во время наших раскопок) тут действительно обнаружили свидетельства долговременной и крупной игры – множество монет 1810-1830-х годов, уникальная костяшка домино, игральная кость и прочее.

Следующий, дом Рено на бывшем участке Волконского, располагался по Ланжероновской в направлении Итальянской, до участка, с 1830-го принадлежавшего Маразли-отцу, а в пушкинское время – барону Рефенштейну. И мы также частично вскрыли его двор, веранду и подвалы. Это здание, которое, как я говорил, арендовалось для военного губернатора.

С этим домом связан презабавный исторический анекдот. По свидетельству современников, Ланжерон был крайне рассеян и забывчив. И вот что он учудил в дни визита в Одессу (1818 год) самодержца российского *Александра I*. Император остановился в резиденции Ланжерона. Отправляясь утром по каким-то срочным делам в город, этот последний якобы запер своего монарха

в отведенных для него покоях, и тот так и просидел целый день взаперти. Из этого курьезного эпизода следует весьма симптоматичный вывод: шутки шутками, а вот пребывание в «нашем доме» императора, а также видных исторических лиц – *Нессельроде, Каподистрии*, великих князей, родственников царской фамилии европейских венценосцев фиксируется однозначно. В упомянутой «овальной зале» по Ришельевской бывал будущий император *Николай Павлович*.

Впоследствии домостроения Рено неоднократно меняли владельцев. Принадлежали его дочери, княгине Кантакузин, братьям Стифель, барону Кальма... Угловое здание по Дерibasовской, № 10, неоднократно

Александр I

горело, перестраивалось, надстраивалось, но все же отчасти сохранило облик более чем столетней давности. Дом на углу Ланжероновской довольно долго, до конца третьей четверти XIX века, оставался полутораэтажным и был разобран в мае 1875-го⁴²⁷. В это время он принадлежал крупной фирме Беллино-Фендерих (впоследствии Беллино-Коммерель). В 1875-1876 годах фирма возвела на этом месте один из крупнейших тогда в Одессе доходных домов, причем «лицевая сторона и карниз» не из местного, а «из инкерманского белого камня, который доставлялся в Одессу морем из Севастополя».⁴²⁸ Проектантами и строителями были видные одесские зодчие Ф.П. Гонсиоровский и В.Ф. Маас.⁴²⁹ Небезынтересно, что впервые в истории местного домостроительства рабочие, выполнявшие подряд, обеспечивались солидной техникой безопасности и революционными по тем временам условиями труда – они

получили даже душевые!⁴³⁰ В сентябре 1876-го дом был готов к эксплуатации, туда вернулся мануфактурный магазин собственно фирмы Беллино-Коммерель, бывшей Беллино-Фендерих, остальное пространство сдавалось в аренду.⁴³¹

В доме этом продолжительное время помещалось одесское отделение Лионского кредита, а в советское время – управление гострудсберкасс (разгребая землю, мы наткнулись на кучу битых стеклянных табличек, призывающих граждан хранить трудовые сбережения именно здесь). История офиса Беллино-Коммерель оборвалась в 1941 году, в дни героической обороны Одессы. Разрушенное авиабомбой, здание простояло в руинах несколько лет. В ходе раскопок мы наткнулись также на остатки зенитной батареи – небольшую бетонную площадку, фрагменты узла связи, многочисленные гильзы и др. После войны остов дома разобрали немецкие военнопленные. Укрепление грунта под проседающим Оперным в середине 1960-х проводили с помощью силикатизации грунта, и на территории разобранного дома построили маленький стекольный заводик, следы которого мы также обнаружили.

Материалы, добытые в ходе раскопок, распределены следующим образом: собственно ритуальные предметы (1794) находятся в экспозиции Одесского государственного историко-краеведческого музея, различные находки – в экспозициях Пушкинского филиала Одесского литературного музея и Музея историко-филологического факультета Южноукраинского педагогического университета.

Дом Портнова

Это угловое место № 62 в VIII квартале Военного форштата и смежное, № 61, что соответствует застройке по улице Ришельевской, № 5, и Дерibasовской, № 9.

Ларион (Илларион) Федорович Портнов – поистине первый из первых одесситов – состоял городским головой в 1798-1800 годах. Орловский купец Портнов уже в 1795 году «имел постоянную оседлость» в Одессе и производил «довольно значительную торговлю лесом и другими русскими товарами» (железом, мануфак-

турой). Он субсидировал сооружение временной деревянной Николаевской церкви, спонсировал постройку Городового госпиталя, одним из первых ходатайствовал о необходимости строительства кладбищенской церкви, получил два похвальных листа от одесских граждан. Скончался ранее августа 1824 года. Портнов, как и другой ранний муниципальный деятель, Евтей Клёнов, был именитым гражданином. Надо пояснить: в 1785-1832 годах это был сословный институт городских обывателей, не дворян, с особыми правами и преимуществами, скажем, освобождением от рекрутской повинности и телесных наказаний; с 1807-го – отменен для купечества, а с 1832-го – заменен почетным гражданством.

Портнов получил сказанные места в том же квартале, что и первый мэр, Андрей Железцов. Из генплана 1802-1803 гг. и плана Франческо Фраполли 1807 года видно, что оба участка были застроены Портновым по всему периметру, ворота в обширный двор сперва были с обеих улиц, но вскоре лишь со стороны Рижельевской. Между прочим, Портнов, Лифинцов и предположительно Железцов прибыли еще в Хаджибей и построились уже в 1792-1793 годах, впоследствии просто-напросто узаконив свои владения, что удавалось далеко не всем.⁴³² Дом Портнова много лет спустя был куплен греческим семейством состоятельных негоциантов Ралли, и на его месте в конце позапрошлого века построили новый – тот, что сохранился и поныне. Из прошения Портнова на высочайшее имя от 21 декабря 1821 года видно, что он прибыл в будущую Одессу в 1792-м, где по устному дозволению князя Г.С. Волконского «построил дом каменный семисаженный, который ныне с погребами в три этажа, в то время – еще на степи, что стоит противу клубу»,⁴³³ то есть дома Рено.

Кроме того, Портнов владел домом с торговыми помещениями возле Старого Гостиного ряда на Александровском проспекте. В этих рядах помещались так называемые Красные лавки, то есть те, в которых торговали «красным товаром» – мануфактурой, ювелирными изделиями, церковной утварью, предметами роскоши. А бакалейная, «железная» и мелочная торговля в 1800-1810-х годах переместилась на Александровскую площадь. Возможно, это перемещение послужило причиной топонимического казуса: Красный (Греческий) переулок примыкает не к Красным,

а к Бакалейным рядам. Впрочем, Красным (Греческим) в ряде ретроспективных документов именуют и Колодезный переулок, примыкающий к Мелочному и Железному рядам. Этим торговым рядам будет посвящен специальный раздел.

По ревизии 1795 года Портнов – орловский купец второй гильдии с объявленным капиталом в 8.010 рублей, из Орла убыл в сентябре 1792 года; ему 43 года, жене Наталии (из метрических записей Соборной церкви узнаем ее отчество – Дорофеевна) столько же. Дети: Егор 27 лет (очень ранний ребенок, однако это вовсе не уникальный случай), Василий 17 лет, Николай четырех лет, Анна 13-ти лет. В том же составе семья остается на 31 января 1800 года, объявленный капитал такой же.

Как и многие другие русские купцы, первопоселенцы, Портнов был прихожанином старообрядческой Покровской церкви, тем более владел недвижимостью практически напротив. В метрических книгах этого храма есть, например, запись о том, что Илларион Федорович был восприемником при крещении сына старшего бургомистра, а затем городского головы (1803-1806 гг.) Ивана Мигунова, Михаила. Из тех же записей видно, что сын Портнова Василий был уже восприемником при рождении внука Ивана Мигунова, Стефана, от сына Григория.

В ведомости 1798-го находим о Портнове следующую информацию: торгует на 5.100 рублей, в том числе в России на 1.500; имеет два каменных дома, трактир, харчевню с шестью помещениями и погребом, четыре лавки и один двухэтажный флигель; занимается подрядами и отдачею недвижимости внаем. В доме Лариона Портнова, на углу Дерибасовской и Ришельевской, впоследствии принадлежавшем семейству Ралли, помещалась одна из первых в Одессе рестораций, в которой собирались по преимуществу шкипера, лоцманы, морские биржевые маклеры, факторы, страховые агенты – греки, итальянцы, югославяне. Объявление от Одесского сиротского суда о вызове наследников и должников Портновых помещено в «Одесском вестнике» 1 мая 1837 года. В конце 1835 года план на реконструкцию дома по Дерибасовской и Ришельевской еще составлен на имя Наталии Дорофеевны.⁴³⁴

Ранее лета 1805-го интересующая нас недвижимость Портнова была оценена в изрядную по тем временам сумму – 15.000

рублей. 1 июня того же года он ходатайствовал о ссуде в 5.000 рублей под залог этих строений на три года, из коих 3.000, исполняя обещание свое, просил принять на построение в Одессе госпиталя, а 2.000 предполагал употребить на построение дома. Строительный комитет определил выдать просимые деньги «из суммы, отделенной на вспоможение жителям». Причем «по уважению усердия его» проценты брать только с 2.000 руб. – 6% на капитал и по 1% от этих процентов – на казенные пожарные инструменты.⁴³⁵

Шли годы, этот дом постепенно ветшал и разрушался. Комитет отмечал нарастающую опасность возгорания «по чрезвычайной ветхости и неисправности в дворовых строениях печных труб». Именно таково было техническое состояние данной недвижимости во время пребывания Пушкина в Одессе.⁴³⁶ Характерно предписание графа М.С. Воронцова правящему должностному одесского градоначальника статскому советнику Степану Ивановичу Могилевскому от 9 января 1825 года: «...во многих местах по городу усмотрено его сиятельством, что дома покрыты дранью и в безобразном виде; из таковых особенное внимание обращает *дом вдовы Портновой противу клуба*, где драничная кровля не только фигурирует представляет безобразие, но своею непрочностью грозит проходящим опасностью рушения, ибо начинает валиться; а как весною прошедшего 1824-го года сделано его сиятельством предписание г. градоначальнику о воспрещении в Одессе драничных крыш и о сделании не иначе как черепичных, железных или, по крайней мере, тесовых с окраскою на масле; предложить изволил о сделании, кому следует, подтверждения, чтобы ветхие дранные крыши, в особенности в главнейших улицах города, на домах терпимы не были».

ОСК обязывался немедленно принять меры по дому Портновой и вообще распорядиться, чтобы крыши «в лучших частях города» исподволь покрывали черепицею, железом или аспидом; чинить же деревянные крыши в таких местах вообще не дозволять. Предписание Воронцова от 6 июня 1824 препровождено при предложении одесского градоначальника от 9 июня 1824: о запрещении внутри порто-франко драничных крыш, а только железом, черепицею, аспидом (твердым черным сланцем) и тесом.

К исполнению в полицию сообщено 26 июня 1824-го. Доходы от аренды помещений получает опекунша детей, вдова. Дом двухэтажный, с чердаком, в верхнем этаже – «зала» и «жилье Портновой», нижний этаж и подвалы, понятно, сдаются в аренду. Кое-что вдова починила, подлатала. Жилые комнаты в дворовых строениях не разваливаются, но никем не заняты. Принято решение обязать Портнову перекрыть крышу.⁴³⁷ Короче говоря, дом большой, но не очень приглядный. В 1823 году тут, в частности, помещались ресторация и кофейня одесского купца Михаила Морели (Мариоли, Маргели),⁴³⁸ ренсковый погреб одесского 1-й гильдии купца Осипа Верани, казино одесского 3-й гильдии купца Спиридона Калофаки⁴³⁹. Получается как бы целый развлекательный центр, но так было во многих масштабных по тем временам частных постройках на самых бойких местах.

Теперь мы можем составить четкое представление обо всех строениях, которые Пушкин наблюдал из окна гостиничного номера на остальных трех углах перекрестка Дерибасовская – Ришельевская.

Дома Григория Ивановича Маразли

Участок Маразли по площади составлял вторую половину III квартала, то есть четыре места, обращенных к Итальянской (Пушкинской) улице. О двух из них, примыкавших к Ланжероновской, я уже сообщал выше, в контексте истории Старого таможенного дома. Ныне это место застройки домом по улице Пушкинской, № 2. Как было сказано, недвижимость эта принадлежала *барону Рефенштейну* (умер в 1835-м). 3 марта 1830 года Г.И. Маразли приобрел ее за 24.500 руб. ассигнациями у отставного поручика барона Осипа Григорьевича Миллер фон Рефенштейна по доверенностям, выданным ему родными братом и сестрой – бароном Александром Григорьевичем Миллер фон Рефенштейн и коллежской асессоршей Агнией Нечаевой. В фондах Одесского художественного музея хранится портрет Софии Миллер фон Рефенштейн, вероятно, супруги Осипа Григорьевича, написанный в 1829-м П. Юрковичем.⁴⁴⁰ Два других места, по Дерибасовской

Дом Маразли на ул. Пушкинской

(№ 8) и Итальянской (№ 4), принадлежали Маразли уже в пушкинское время: он приобрел их со всеми строениями у одесского 1-й гильдии купца *Василия Спино Ксениса* 5 декабря 1822-го за 86.500 рублей ассигнациями.⁴⁴¹

Как видно из сопоставления городских планов, места Рефенштейна застроены не позже 1802-го, а места Ксениса – меж 1803-м и 1807-м. Однако вторые постройки занимают гораздо большую площадь, отчего и разница в вырученных за них в ходе купли-продажи суммы. Греческий негодант, коммерции советник, масон, один из комиссаров в ходе ликвидации чумной эпидемии 1812 года, землевладелец Василий Ксенис – один из самых крупных хлебных экспортеров Одессы 1800-1810-х годов.⁴⁴² Поэтому он и построил рядом с таможней не жилые помещения, а целую серию хлебных магазинов (амбаров), сопровождающуюся служебными постройками, в том числе – каретным сараем. В 1812-м таких магазинов было пять, и они получили оценку 20.000 рублей.⁴⁴³ Очевидно, в дальнейшем, до продажи этой недвижимости Маразли, Ксенис производил достройки. В одной из архивных описей значится красноречивое наименование несохранившегося

дела от 11 июля 1808 года «По предложению Дюка Де-Ришелье о причислении в здешние 1-й гильдии купечество австрийского негоданта Василия Спиро Ксенис с приведением на верность подданства России присяге».⁴⁴⁴ Как и Ксенис, Маразли тоже был крупным экспортером сельхозпродуктов, однако широко развернувшись немного позднее, в середине 1810-х.

Маразли (Маразлис) Григорий Иванович (1770-1853) – одесский купец 1-й гильдии, почетный гражданин, отец выдающегося муниципального деятеля и мецената Г.Г. Маразли. Как и многие другие представители «поколения отцов» (Родоканки, Маас, Порро, Анатра и др.), был, что называется, практиком («дитя расчета и отваги»), оборотистым негодантом, одним из крупнейших экспортеров эпохи порто-франко, чуждавшимся показной роскоши и светских удовольствий. В одесское 3-й гильдии купечество старший Маразли причислен летом 1803 года, будучи еще турецким подданным, сотрудником богатого греческого купца Янопуло (Иоаннопулос). К концу 1810-х он состоял уже в 1-й гильдии и был членом Одесского коммерческого суда от купечества. Значительную часть состояния, унаследованного его знаменитым сыном, впрочем, составили доходы от питейного откупа, который Григорий Иванович содержал с 1 января 1821 года. При заключении кондиций Маразли оговорил право включить в ареал откупа немецкую колонию Люстдорф, а для устранения возможной конкуренции запретить ввоз иностранных водок и других крепких напитков.

Прошли годы, и 27 августа 1833 года градоначальник А.И. Лёвшин писал находившему тогда вдали от Одессы новороссийскому генерал-губернатору графу М.С. Воронцову: «Теперь только вижу, до какой степени безнравственно здешнее народонаселение, которое можно назвать дрожжами, пеною или извержением русского народа, смешанным с такими же отраслями польской и молдавской наций. Представьте себе, что отец или мать семейства, выработав 1 или 1½ рубли и зная, что у них дома дети без пищи, не идут к ним, но бросаются в кабаки и, напившись, валяются перед храмом Бахуса, пока у них что-либо есть в кармане. Таких примеров замечено уже много, и я с грустью в сердце вижу, что большая часть наших пособий (раздача хлеба и проч. в связи с неурожаем

и нищетою. – О. Г.) идут прямым путем к г. Маразли». Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что реализация питей, как и сегодня, составляла один из главных источников наполнения государственного бюджета.

Григорий Иванович постепенно обзавелся многочисленной недвижимостью. В частности, он был одним из первых застройщиков Греческого базара (1805), владел лавками и на Старом базаре. В разные годы ему принадлежали дорогостоящие дома и магазины по Итальянской, Екатерининской, Ришельевской, Дворянской, Херсонской, Канатной, Еврейской, Софиевской улицам, обширные участки со строениями в пригородах. В последние годы жизни он отошел от активного бизнеса, занимался благотворительностью, пользовался значительным авторитетом в коммерческой среде. Г.И. Маразли скончался в Одессе 1 апреля 1853 года в возрасте 88-ми лет (так – в метрической записи греческой Свято-Троицкой церкви; в газетном же некрологе сказано: «83-х лет от роду»).⁴⁴⁵

Дом Железцовых (Булацелей)

Вернемся в соседний, VIII квартал, обрамленный улицами Дерibasовской, Итальянской (Пушкинской), Греческой и Ришельевской. Выше мы говорили лишь об угловом доме Портнова, потому что было уместно, но это лишь два места из десяти. Надо по возможности коснуться и других: они находятся в непосредственной близости от Клубной гостиницы, постоянного местопребывания Пушкина.

В 1794-м будущий городской голова, елисаветградский купец, впоследствии одесский 3-й гильдии купец *Андрей Фотиевич Железцов*, получил под застройку места № 59-60 в VIII квартале Военного форштата (места нынешних домов по Дерibasовской, № 7, и Пушкинской, № 6), но фактически застроил также и место № 57, посередине квартала четной стороны нынешней Пушкинской улицы меж Дерibasовской и Греческой, причем последнее – не ранее 1798 года. Обязанности мэра он исполнял с января 1796-го по январь 1798-го включительно. Выборы, в которых участвовало

около 150 граждан, проходили в одном из казенных домов 14 января 1796 года, а на другой день первое заседание магистрата, при котором и состоялась Городская дума, прошло уже в собственном доме Железцова. Следовательно, *история одесского муниципалитета стартовала по первому из указанных адресов*. В 1805 году дом на месте № 57, на участке нынешней застройки по улице Пушкинской, № 8, находился под секвестром по долгам покойного Железцова⁴⁴⁶; умер он 10 сентября 1801 года в возрасте всего лишь 40 лет; отпевали в соборной Свято-Николаевской церкви;⁴⁴⁷ погребен, надо полагать, на Старом кладбище.

В 1817 году вдова Железцова Мелания Степановна, рассчитавшаяся по долгам, передает места № 59-60 в другие руки, причем поручителем по финансовым вопросам выставляет уже хорошо известного нам Михаила Крамарева. Здесь важно указать, что поручителем он выступал по той причине, что был женат на дочери Железцовых, Анисье (Анисии) Андреевне. Из этого можно заключить, что брак Анисьи с Михаилом был заключен после 1805-го, но ранее 1817 года. К слову, другая дочь первого городского головы, Екатерина Андреевна, вступила в брак с Прокофием Ольховским, с которым еще познакомимся.

Впоследствии по завету покойного мужа Анисия Крамарева субсидировала сооружение Сретенской церкви на Новом базаре. Изначально Крамарев совместно с другими купцами предполагал воздвигнуть храм на Александровской площади, на том месте, где впоследствии построен так называемый «круглый дом» А.И. Маюрова. Затем Крамарева сделала значительные пожертвования Рождественской церкви при Одесской городской больнице и Успенскому собору в Херсоне из сумм, возвращенных ей должниками покойного супруга. Благотворительница скончалась в возрасте 78 лет 13 октября 1866 года, похоронена на Старом кладбище 15-го. Недвижимость Крамаревых унаследовали тоже довольно известные Синицины, состоявшие с ними в родственных отношениях (племянники), Анисия Андреевна была их крестной матерью.

Патриархальный дом Железцова на местах № 59-60, где проходили первые заседания магистрата, строился «без плана», по произволу хозяина. Впоследствии вдову долго понуждали

к плановой реконструкции, однако она не могла этого осилить материально, в конце концов снесла ветхое строение до основания, лишь заготовив стройматериалы, едва начав постройку, и уступила место «тайному советнику, сенатору и кавалеру *Михаилу Павловичу Миклашевскому*»⁴⁴⁸. Сенатор компенсировал Железцовой через Крамарева средства, затраченные на камень и начатые работы. К слову, это тот самый Миклашевский (1757-1847), которому А.В. Суворов во многом обязан благоприятным исходом битвы при Рымнике. Он был тогда полковником Стародубского карабинерского полка, а впоследствии новороссийским гражданским губернатором (1801), далее – екатеринославским (1803), кавалером высших российских орденов. Очередная демонстрация того, сколько неординарных судеб причудливо вплетено в историю Одессы.

Впрочем, получивший 22 июня 1817-го сказанные места сенатор по каким-то причинам от постройки отказался. 19 августа 1818-го он уступил их и заготовленные стройматериалы помещику Елисаветградского уезда представителю известной дворянской (молдавский боярский род) фамилии, крупному землевладельцу, ротмистру *Ивану Григорьевичу Булацелю*.⁴⁴⁹ И.Г. Булацель председательствовал в Дворянской опеке Елисаветграда (1818-1819), а его брат Илья – в уездном суде. Фактическим владельцем выступала его супруга Настасья Алексеевна, по доверенности которой Булацель 20 мая 1820 года обратился в ОСК с просьбой освидетельствовать недвижимость, что было поручено архитектору Фраполли. 24 мая последовало соответствующее определение.⁴⁵⁰ Сравнение городских планов 1802-1803, 1807, 1814 и 1828 гг. свидетельствует о том, что Булацель разобрал предшествующие постройки на угловом месте № 59, где остался лишь небольшой флигель, стоявший торцом к улице Итальянской (Пушкинской) на границе с № 57. Фактически застроен лишь № 60. Принадлежавшие семейству Булацель постройки в 1820-х использовались как доходные дома, о чем есть сведения в «Одесском вестнике» и других источниках. Фасадное здание по Дерibasовской было двухэтажным, поскольку в 1818-м Строительный комитет запретил возводить по главным улицам одноэтажные дома.

В пушкинское время в доме Булацеля помещалась харчевня, которую содержал сардинско-подданный Анжело Ривари.⁴⁵¹

Дом Клёнова

Место № 58 в том же квартале, соответствующее современной застройке по улице Ришельевской, № 7, в 1795 году инженерная команда отвела *Евтею (Ефтею) Карповичу Клёнову*,⁴⁵² согласно ведомости назначенных мест 1794-го. В ведомости 1798-го читаем о его недвижимости: «Три двора, в них три дома большие о 20-ти покоях, 2 погреба, 6 лавок и 2 красных, при коих и дом двухэтажный, все строения каменные».⁴⁵³ 18 февраля 1806-го Кленов взял в Комитете значительную ссуду, 2500 рублей, на домостроительство, возвратив долг в 1809-м.⁴⁵⁴ Масштабные работы по достройке и реконструкции первичных строений были окончены в сентябре 1807 года.⁴⁵⁵

Е.К. Кленов (16.08.1763 – 21.02.1810) – именитый гражданин города Елисаветграда, купец 1-й гильдии, заводчик, один из самых первых жителей Одессы, бургомистр Одесского магистрата, член Одесского строительного комитета, в числе нескольких авторитетных горожан подписал в 1800 году обращение к Павлу I при хрестоматийной посылке апельсинов, в составе одесской депутации ездил ходатаем к Александру I в 1801 году. В 1798-м располагал самыми значительными капиталами в Одессе, тогда же владел четырьмя домами, в том числе сказанным двухэтажным, шестью лавками, в том числе двумя с «красным товаром» в так называемом Красном ряду, двумя погребами, занимался подрядами, например, в конце 1795 года построил так называемые арнаутские казармы для средиземноморских переселенцев, отчего и происходит название двух арнаутских улиц (Арнаутская слободка). Его сын Петр, одесский землевладелец, был масоном. Дочь Варвара (Вера) (26.11.1806 – 08.01.1880), воспитанница Одесского института благородных девиц, в замужестве Лекс, – пушкинская знакомая. О судьбе ее сестры Натальи, 1800 г. р., мы пока не располагаем сведениями. Супруга Елена Кленова – известная благотворительница, основательница Дома призрения нищих.⁴⁵⁶

Интересующий нас дом и унаследовала от матери жена коллежского советника *Михаила Ивановича Лекса* Варвара, урожденная Кленова.⁴⁵⁷ В 1823-м в этом доме помещались две кофейни:

Открытка 1930-х годов. Справа виден двухэтажный дом, принадлежавший Евтею Кленову

иностранца Джованни (Ивана) Ивановича и турецко-подданного Андрея Торги.⁴⁵⁸

М.И. Лекс – пушкинский знакомый еще по Кишиневу, в Одессе они сошлись ближе, впоследствии встречались в Петербурге. В дневнике Пушкина есть запись от 5 декабря 1834-го: «Вчера был у Лекса. Я знал его в 821 году в Кишиневе... Я первый открыл Инзову, что Лекс – человек умный и деловой». Пушкину приписывается фраза: «Михаил Иваныч Лекс, Превосходный человек-с!». Именно он пересказал сюжет, положенный в основу «Кирджали». Лекс служил начальником отделений в канцеляриях Инзова, Воронцова, затем директором канцелярии МВД и товарищем министра ВД, стал сенатором.⁴⁵⁹

Из записок Анастасии Дмитриевны Ризо: «Одна из учениц (соучениц. – **О. Г.**) по институту (Одесскому институту благородных девиц. – **О. Г.**) была Вера Кленова, очень богатая. Когда мы вышли из института, я уехала, а она осталась в Одессе, имела большой дом и жила открыто. Когда же я возвратилась из Николаева

через три года, Вера была совершенно светская барышня, «по воле жила». Но она помнила наставления мои – вела нравственную и богомольную жизнь – все ее уважали и любили. Граф Ланжерон всё сватал Веру за знатных женихов, но она отказывалась. У Веры была тетка-купчиха; она посещала ее и раз увидела там чиновника, очень бедного, познакомилась с ним. Граф Ланжерон приехал сватать Веру; она говорит графу: «За вашего жениха не выйду, а если вы хотите счастья моего, то прошу вас, засватайте меня за чиновника Лекса». – «Что это вы хотите выйти замуж за беднейшего чиновника?» – «Да-да, прошу вас, сделайте мне это добро. Сегодня посватайте меня за Лекса и привезите его ко мне». Граф исполнил просьбу Веры. Приехавши к себе, граф зовет Лекса и говорит: «Ну, брат, счастье к тебе идет! Вера Кленова просила меня засватать тебя за нее!» – «Вы шутите – не обижайте меня». – «Нет, голубчик, брат! Садись со мной и марш к невесте!» Вера встретила жениха с любовью, ласково переговорила с ним, дала ему несколько тысяч, и они через две недели повенчались. Все ее похвалили, и она с мужем дала великолепный свадебный бал... Бедность скрывала достойнейшего и честного человека, а богатство поставило на честь и славу бедняка. Воронцов все возвышал Лекса, и скоро он сделался известным за ум и честность, получил чин генерала, поехал в Петербург и был сенатором. Но до того он еще жил в Одессе, до выезда моего (в 1827-м. – О. Г.)».⁴⁶⁰

Надо уточнить: Лекс, конечно, не был беднейшим из чиновников, да и бедным чиновником вообще. Мемуаристка имеет в виду, что у него не было другого дохода, другого имения, кроме жалованья. А жалованье было довольно приличное. Как начальник 4-го отделения канцелярии генерал-губернатора он получал 2.000 рублей ассигнациями в год. Больше выплачивалось лишь начальнику всей канцелярии А.И. Казначееву – 3.000. Другие получали значительно меньше: например, Д.В. Сафонов, Н.С. Завалиевский, В.М. Бер – 1.000;⁴⁶¹ Пушкин, как известно, – 750, более мелкие канцелярские чиновники – 550, 500, 400, 250, 200, 180, 120 рублей в год⁴⁶². Официальный оклад градоначальника графа А.Д. Гурьева составлял 4.000 рублей, однако эти деньги не перекрывали даже представительских расходов.

Чтобы жить «открытым домом», требовались средства другого порядка. В переписке княгини В.Ф. Вяземской неоднократно упоминается сумма годовых расходов в 30.000 рублей – на случай, если все ее семейство обоснуется в Одессе. Правда, 5.000 из них уйдут на аренду и отопление жилья. Как бы то ни было, женитьба явно укрепила положение Лекса, чего он, несомненно, заслуживал.

Когда именно Лекс обвенчался с Кленовой? Точной даты пока не имею, но гораздо ранее переезда Пушкина в Одессу. В «Именном списке чиновников штата г. новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, а также женам и детям их...» за март 1830-го находим следующую информацию: Лексу 36 лет, его супруге Варваре Евтеевне – 23, детям – 1 и 7.⁴⁶³ Из этого следует, что бракосочетание датируется 1822-м, когда невесте было 16.

Дом Лекса (Клёнова) – ближайший к Клубной гостинице пушкинский адрес: что называется, через дорогу. Тут помещалось еще одно казино, которое тоже содержал бывший театральный антрепренер, одесский 3-й гильдии купец Иван Монтовани.⁴⁶⁴

Дома Андриянского и Буги

Первый занимал угловое место № 56 по Ришельевской (№ 9) и Греческой (№ 24) улицам. Первые фасадные постройки по той и другой улице появились ранее 1802 года, очевидно, еще во второй половине 1790-х. Впоследствии тут многократно производились достройки и перестройки. С 1795-го *Евангелий (Вангели) Андриянский* служил в Одесском греческом пехотном дивизионе, вышел в отставку капитаном, занялся коммерцией, наладил производство фруктовой водки (1805). Его сын Константин – авторитетный муниципальный деятель, избирался оценщиком недвижимости. Другой сын, Дмитрий, женился на дочери одного из первых городских голов, Надежде Иоанновне Кафаджи.⁴⁶⁵

2 марта 1805-го Андриянский взял немалый кредит на реконструкцию и достройку дома.⁴⁶⁶ 10 июня 1821-го Строительным комитетом утверждены план и фасад солидного двухэтажного

здания,⁴⁶⁷ и с 1822 года тут размещалось множество популярных заведений, в частности две кофейни: одесского купца 3-й гильдии Павла Степановича Купы (умер в январе 1836-го 80-летним) и иностранца Яни Дилли (Дила, по-видимому, из болгар), еще ресторация одесского купца Константина Кандиоти,⁴⁶⁸ ренской погреб одесского 3-й гильдии купца Димитрия Гого и две харчевни: одесского 3-й гильдии купца Кириака Косифи и крестьянина князя Львова Павла Парамонова.⁴⁶⁹ Пушкин по крайней мере видел и этот «городок развлечений».

* * *

Прямо напротив, на четной стороне Ришельевской улицы, не позднее 1802-го уже функционировал весьма солидный по тем временам 2-этажный доходный дом сослуживца Андриянского по Греческому дивизиону *Андрея Спиридоновича Буги* (1744-1829). Служил он в чине майора (1795-1797), вышел в отставку подполковником; авторитетный старожил, выступал ходатаем от городского магистрата перед императором Павлом о даровании Одессе привилегий по образцу Риги и Ревеля (1800), покровительствовал своим бывшим сослуживцам, был женат на дочери генерал-майора Попандопуло Анне Эммануиловне.⁴⁷⁰

Во время пребывания Пушкина в Одессе этот дом при оценочной стоимости 45.000 рублей имел самую высокую доходность в городе – 10.000 рублей,⁴⁷¹ то есть он по частям выгодно сдавался в аренду под самые разные заведения. В частности, в интересующее нас время в доме Буги помещалась кофейня одесского 3-й гильдии купца Ивана Палеолога,⁴⁷² которую Пушкин вполне мог посещать: дома Андриянского и Буги находились в одном квартале от Клубной гостиницы.

Иван Николаевич Палеолог прибыл в нарождающийся город в 1795 году с острова Патмос в возрасте 26 лет, состоял во 2-й гильдии, совместно с деловым партнером объявил капитал на 5.100 рублей, владел домом «с 2-мя покоями и 2-мя лавками и погребом».⁴⁷³ Между прочим, этот Палеолог в июне 1812-го приобрел на торгах один из кораблей, взятых российскими крейсерами в качестве призов у Геленджика. Герцог Ришелье тогда выставил в публичную продажу: 1) бриг «Нептун» – стар-

товая цена 15.560 рублей; 2) корвет «Платон» – 11.100; 3) бриг «Артемиды» – 4.329; 4) бриг «Святой Георгий» – 4.296; 5) бриг «Евангелисты» – 5.959. В итоге купец Иван Палеолог купил корвет «Платон» за 11.450 рублей. Это была самая дорогая покупка, поскольку «Нептун» Ришелье решил отдать в казну, хотя за него предлагали 15.800.⁴⁷⁴ То есть Палеолог мог вести торг на хорошо защищенном от пиратов судне.

Ресторация Димитраки

К череде упомянутых центров общепита и развлечений хорошо подверстываются сообщения Бутурлина и Зеленецкого о недорогом заведении Димитраки. «Александр Сергеевич и особенно короткие его знакомые собирались почти каждый вечер ужинать в греческом второстепенном ресторане Димитраки, где и засиживались за полночь. Кружок этот состоял из поэта Василия Ивановича Туманского (чиновника особых поручений при графе Воронцове), г. Шварца (также состоящего при графе), Кесаря Осиповича Понятовского (тоже по особым поручениям при генерал-губернаторе. – **О. Г.**) и, кажется, графского адъютанта Варламова (Константин Константинович Варлам. – **О. Г.**). Мне ужасно хотелось участвовать в этих ужинах; но, как я уже говорил, я не был настолько волен в своих действиях, чтобы посещать кружок, где могла быть попойка. Все эти господа обедали обыкновенно во французском (очень хорошем) ресторане Отона (Autonne), в доме клуба на Херсонской улице, куда хаживали обедать г. Слоан и я, до приезда графа Воронцова».⁴⁷⁵ «Обедал он (Пушкин. – **О. Г.**) то у Димитраки, в греческой ресторации, то на Итальянской улице, в Hôtel du Nord, вместе с польскими помещиками, которые, как сказывали нам, умели приласкать его к себе, хотя, по словам людей, в то время близких к нему, он не любил польского языка. С товарищами своими Пушкин обедал, по большей части, у Отона...».⁴⁷⁶

Топографическая неувязка местоположения Клуба легко объяснима. Бутурлин жил в доме Пуциных-Аркудинских по Херсонской улице, в клуб следовал прямым и кратчайшим маршрутом –

через Городской сад и Ланжероновскую, по существу, служившую продолжением Херсонской улицы. А вот установить точное местоположение ресторации Димитраки пока не удастся. Почему? Потому что официально это заведение за ним не числилось: формально его содержателем был либо домовладелец, либо деловой партнер, каковые экзерсисы тогда по разным причинам часто практиковались. Имею на руках архивные списки содержателям трактирных заведений как раз интересующих нас лет, но никакого Димитраки там не видно. В ряде случаев «заявку» на гостиницу, ресторан, харчевню, ренсковый погреб и т. д. подавал не реальный содержатель, а домовладелец. Судя по всему, Димитраки был компаньоном кого-либо из официально зарегистрированных содержателей-греков. А таких в 1823-1824 годах немало – Стаматаки, Карадино, Мутьев (Мутев), Кандиоти, Палеолог, Мавромати, Нико, Маргели, Критико, Мораити, Апостолов и др. Ясно, что ресторация Димитраки находилась неподалеку от Клубной гостиницы, по ходу нашего маршрута, весьма возможно, и в доме Андриянского или Буги.

Можно прибавить, что Димитраки – довольно известная фамилия уроженцев области Мани. Авторитетный исследователь греческой истории Г.Л. Арш сообщает: «Этот край делился тогда (в последних десятилетиях XVIII столетия. – О. Г.) на пять округов, которыми управляли капитаны А. Кумундуракис, П. Христинис, Я. Кавальеракис, Г. Мавромихалис и капитанша Димитраки, вдова капитана Д. Григоракиса, которая, как говорилось в одном из описаний Мани, «не уступала в храбрости» самому храброму из ее товарищей-мужчин».

О том, какие нравы царили в харчевнях, кофейнях, ренсковых погребах такого пошиба, можно судить по живописному рапорту одесского полицмейстера Василевского генерал-губернатору Воронцову от 31 марта 1824 года: «Вчерашнего числа пополудни в 5 часов отставные штабс-капитан Гнилосеров и подпоручик Поноревский в погреб нежинского грека Евстафия Мутьева причинили побои пришедшему в тот же погреб служащему в здешнем коммерческом суде губернскому секретарю Степану Белинскому, от которых он находился без чувств. И если бы не поспешили подать ему помощь посредством медицинского чиновника, то жизнь его находилась в опасности. Но от побоев ли сие с ним случилось или, статья может, от употребления сверх меры хмельных напитков, о сем прежде обстоятельного обследования знать нельзя. А только сообщено врачебной управе об освидетельствовании его, Белинского, в каком он теперь находится положении. Из числа означенных офицеров Гнилосеров отпущен к семейству своему за подпискою, которою обовязался являться при первом требовании, и не должен никуда отлучаться без ведома полиции. Понаревский же задержан при полиции».⁴⁷⁷

Остается иронически воскликнуть: «O tempora! O mores!» Тем не менее Пушкин посещал именно такие трактирные заведения, «рискуя навлечь себе неприятности». С большой долей уверенности можно говорить о том, что не обошел он вниманием и погреб нежинского грека Мутьева, располагавшийся в 1-й части Одессы, то есть в самом центре.⁴⁷⁸ Вовсе не бесплотны фигуранты описанной скандальной истории. Скажем, я нашел метрическую запись о бракосочетании в одесском соборе 8 июля 1823 года отставного штабс-капитана Охотского пехотного полка Григория Гнилосерова

с вдовою, дворянкою Настасьей Тимофеевой. Свидетелями записаны отставной капитан Викентий Неронович и отставной поручик Захарий Стоянов.⁴⁷⁹ Я вполне допускаю, что этот забияка мог быть знакомым Пушкина, поскольку тот знал много офицеров Охотского полка еще с кишиневской поры.

Надо также понимать, что в расположенных поблизости Клубной гостиницы греческих, болгарских, итальянских, русских трактирных заведениях подобного пошиба, которые уместнее называть не ресторациями, а харчевнями, подавались не сен-пере, изысканные консоме и салаты, а банальное кипрское вино, мастика, баранина и какие-нибудь галатобуреки, каковые и составляли повседневный рацион наших героев. К слову, пару лет спустя дюжина сен-пере реализовывалась в Одессе по 60 рублей, а дюжина эля – по 24 рубля.⁴⁸⁰ Понятно, что в розницу, тем паче у Отона такие напитки обходились несколько дороже, ибо вполне легально реализовывались по «вольным ценам».

7 января 1824 года в Думу поступило письмо одесского градоначальника, в котором говорилось о падении в ушедшем году доходов от гостиниц и трактирных заведений, выражалось опасение дальнейшего их уменьшения в текущем. Предлагалось создать комиссию, включающую одного из гласных, выбранных на предстоящее трехлетие, авторитетных купцов Кошелева, Крамарева, Феодориди и полицейского пристава Мустаца. Комиссии надлежало «привести в точное исполнение» положение 1821 года о трактирных заведениях, тем самым оптимизировав их функционирование. При этом оговаривалось: «кроме открытия рестораций, кои по распоряжению высшего начальства признаны ненужными».⁴⁸¹

Официальное отсутствие рестораций в интересующее нас время неоднократно упоминается в архивных документах. «Рестораций же здесь нет, и оных открывать не дозволено», – сообщает градоначальнику Дума 9 декабря, подводя итоги 1824 года.⁴⁸² Однако и другие трактирные заведения – казино, харчевни, кофейни, «балоши», гостиницы – имели право торговать, например, любыми иностранными напитками, включая любые вина, ликеры, наливки, ром, портер, эль и др. Подробнее об этом сообщаю в разделе «Танцевальные собрания».

Дом Дестуни

Располагался в пределах места № 54 VIII квартала Военного форштата, что соответствует нынешней застройке по улице Греческой, № 20. *Иван Павлович Дестуни (Дестунис)* – дворянин, уроженец Ионических островов, жил в Одессе практически с самого основания города, один из четырех магистратских бургомистров, избранных в 1797 году, второй по старшинству после попечителя греческих переселенцев Афанасия Кесоглу, должность которого занял в 1799-м, после его кончины. Пользовался большим авторитетом в обществе.

Сестра литератора, пушкинского знакомца *Гавриила Геракова* (1775-1838), побывавшего здесь в 1820 году, была супругой племянника Дестуни. Гераков пользовался покровительством М.С. Воронцова, а потому остановился в доме, только что купленном графом у помещика *Николая Куликовского*, наслаждался прелестными морскими видами, открывающимися с балкона второго этажа, и «множеством кораблей разных стран», оставил преинтересные записки, касающиеся города и общества. Довольно критически оценивая местный социум – «все выжига или ястребы, соколы, кобичик, вороны: держи ухо востро!» – Гераков, тем не менее, хорошо отзывался о семействе Дестуни, а Ивана Павловича называет «здравомыслящим стариком» и честным человеком.⁴⁸³

Точная дата постройки дома Куликовского от меня пока ускользает. По крайней мере, этого дома с магазинами (амбарами) и службами еще нет на генплане 1802-1803 гг., но он уже обозначен на плане Ф. Фраполли 1807 года, то есть построен в середине 1800-х.

Дестуни известен как смотритель Греческого коммерческого училища и ктитор (попечитель) греческой Свято-Троицкой церкви, для которой, в частности, приобрел за свой счет смежный с храмом приватный участок земли (1805). С 1795 года он владел солидной недвижимостью в историческом центре – по купле и как застройщик. В пушкинское время два принадлежавших ему дома были оценены в 65.000 рублей и давали хорошую прибыль. В одном из них с конца 1820-х годов помещалась Школа (впоследствии институт) восточных языков.

Памятник Апельсину

Именно Дестуни 9 января и 3 февраля 1800 года председательствовал на знаменательных заседаниях Одесского магистрата, в которых было найдено и принято хитроумное решение об *отправке императору 3.000 апельсинов* и челобитной по поводу бедственного положения города. Известный бытописатель А.М. де Рибас, вероятно, основываясь на семейных преданиях, прямо говорит о том, что идея с апельсинами целиком принадлежала Дестуни. Как известно, уже в марте эти шаги принесли Одессе много пользы: император Павел I предоставил большой кредит,

250.000 рублей, на строительство порта и ряд просимых льгот. Это дало городу вторую возможность успешно стартовать, какковой спринт блистательно продолжился после назначения герцога Ришелье. Вряд ли кто знает, что тот же фокус с заморскими фруктами «одесское общество» успешно повторило весной 1806 года, когда они были доставлены уже ко двору Александра Павловича, и горожане удостоились «высочайшего благоволения». В бытность Дюка Дестуни пытался избавить одесситов от воинского постоя (1809), каковая привилегия им официально полагалась, однако в условиях синхронной русско-турецкой кампании все же возобладали государственные интересы.

Интересующим нас местом Дестуни фактически владел с 1794 года, однако по документам оно было отведено другому лицу. Летом 1815-го Иван Павлович занялся официальным узаконением построенного здесь дома со службами. Согласно действующей процедуре, он заручился свидетельствами авторитетных старожилков – Антона Форгегера, Федора Флогаити, Лариона Портнова,

Петра Кленова и других, в итоге получил владельческие документы.⁴⁸⁴ Сравнение городских планов говорит о том, что ранее 1802-го на этом участке уже было довольно солидное фасадное строение, до 1807-го появились и немалые дворовые постройки. В дальнейшем застройка улучшалась, и, наконец, в 1831-м был утвержден план обновленной современной постройки – но уже для купца Николая Дестуни.⁴⁸⁵

Итак, из десяти мест VIII квартала нами пока четко атрибутировано восемь. Два места по Греческой – № 55, меж Андриянским и Дестуни, и угловое место № 53 по Итальянской (Пушкинской) пока вызывают вопросы. Мы знаем, впрочем, что в пушкинское время оба места весьма прилично застроены, причем лицами из того же социального круга, скорее всего, греческими коммерсантами. И раз уж мы коснулись крупных греческих купцов и муниципальных деятелей, в первую очередь Дестуни, уместно перейти на противоположную сторону Греческой улицы, где тоже найдем принадлежавшую им недвижимость.

Примечания

⁴²⁷ Одесский вестник. – 1875, 25 апреля, № 89.

⁴²⁸ Там же, 10 августа, № 176.

⁴²⁹ Там же, 26 апреля, 1 мая, № 90, 94.

⁴³⁰ Там же, 5 и 10 июля, № 147, 151.

⁴³¹ Там же, 1876, 16, 18, 22 сентября, № 202, 204, 207.

⁴³² Записки Одесского общества истории и древностей. Т. IX. – Одесса, 1875.

⁴³³ Там же. Т. XII. – Одесса, 1881, с. 461.

⁴³⁴ Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 197, 221, 296, 309, 511; Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 288-293.

⁴³⁵ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 256 об.

⁴³⁶ Там же, д. 286, л. 327.

⁴³⁷ Там же, д. 288, л. 175-178.

⁴³⁸ Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 9, л. 4, 24-25.

⁴³⁹ Там же, д. 280, л. 26, 29 об.

⁴⁴⁰ В лабіринтах часу. Каталог. – Одеса, 2016, с. 54-55.

- 441 Российский Государственный исторический архив (РГИА), ф. 1101, оп. 2, д. 303, л. 1, 3, 3 об. – Сообщено С.Г. Решетовым и А.В. Лебединской.
- 442 ГАОО, ф. 2, оп. 11, д. 1, л. 40 об., 41 об., 44 об., 46 об., 49 об.
- 443 Там же, оп. 2, д. 264, л. 64.
- 444 Там же, ф. 17, оп. 3, д. 283.
- 445 Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 260-266.
- 446 ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 162.
- 447 Там же, ф. 37, оп. 3, д. 80, л. 28.
- 448 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 273, л. 484-486.
- 449 Там же, д. 274, л. 235.
- 450 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 164, л. 632, 633.
- 451 Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 280, л. 29 об.
- 452 Там же, д. 23, л. 95-97.
- 453 А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 136-137.
- 454 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 20, л. 163-173. – № 11.
- 455 Там же, д. 23, л. 95-97.
- 456 Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 300.
- 457 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 657. – 4 л.; Там же, д. 663, л. 169.
- 458 Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 9, л. 4.
- 459 Пушкин. Статьи и материалы. Выпуск III. – Одесса, 1926, с. 62; Л.А. Черейский. Пушкин и его окружение. – Ленинград: «Наука», 1989, с. 233; Летопись жизни и творчества Пушкина: 1799-1826. – Ленинград: «Наука», 1991, с. 262, 360, 392.
- 460 Из прошлого Одессы. – Одесса, 1894, с. 322-323.
- 461 ГАОО, ф. 1, оп. 248, д. 430, л. 23.
- 462 Там же, д. 416, л. 75-76.
- 463 Там же, д. 3538, л. 1.
- 464 Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 280, л. 29.
- 465 Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 431.
- 466 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 72.
- 467 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 9, л. 5.
- 468 Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 9, л. 4.
- 469 Там же, д. 132, л. 164; Там же, д. 280, л. 26, 29.
- 470 Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 314.
- 471 ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 215, л. 8-14. – № 91.
- 472 Там же, д. 280, л. 29.

- 473 А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 118, 124, 129, 132-133.
- 474 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 60, 85, 128.
- 475 Записки графа М.Д. Бутурлина, 1824-1827. – Русский архив, 1897, № 5, с. 16.
- 476 К.П. Зеленецкий. Сведения о пребывании Пушкина в Кишиневе и Одессе. – Москвитянин, 1854, № 9, Смесь, с. 7-10.
- 477 ГАОО, ф. 1, оп. 190, д. 9, л. 114.
- 478 Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 280; Там же, д. 132.
- 479 Там же, ф. 37, оп. 6, д. 3, л. 81 об.
- 480 Одесский вестник. – 1827, № 100.
- 481 ГАОО, ф. 4, оп. 1а, д. 132, л. 35.
- 482 Там же, л. 173.
- 483 Гавриил Гераков. Продолжение путевых записок по многим российским губерниям 1820-го и начала 1821-го. – СПб., 1830.
- 484 ГАОО, д. 269, л. 157-158; Там же, ф. 59, оп. 1, д. 88, л. 291-295.
- 485 Там же, ф. 59, оп. 2, д. 308. – 6 л.

